

XVIII

a m ž i a u s
studijos

1

LIETUVOS

Didžioji Kunigaikštystė:
tarp tradicijų ir naujovių

LIETUVOS ISTORIJOS INSTITUTAS

XVIII
a m ž i a u s
studijos

1

LIETUVOS
Didžioji Kunigaikštystė:
tarp tradicijų ir naujovių

Sudarytoja
RAMUNĖ ŠMIGELSKYTĖ-STUKIENĖ

LII
LEIDYKLA

Vilnius
2014

Redaktorių kolegija

Dr. Lina BALAIŠYTĖ

Lietuvos kultūros tyrimų institutas

Prof. dr. Richard BUTTERWICK-PAWLIKOWSKI

Europos koledžas Natoline (Lenkija), Londono universiteto koledžas

Dr. Liudas GLEMŽA

Vytauto Didžiojo universitetas

Doc. dr. Robertas JURGAITIS

Lietuvos edukologijos universitetas

Dr. Andrej MACUK

Baltarusijos mokslų akademijos Baltarusijos istorijos institutas

Dr. Gintautas SLIESORIŪNAS

Lietuvos istorijos institutas

Dr. Adam STANKEVIČ (sekretorius)

Lietuvos istorijos institutas

Doc. dr. Ramunė ŠMIGELSKYTĖ-STUKIENĖ (pirmininkė)

Lietuvos istorijos institutas

Dr. Asta VASKELIENĖ

Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas

Prof. habil. dr. Andrzej B. ZAKRZEWSKI

Varšuvos universitetas

Recenzantai

Dr. Aistė PALIUŠYTĖ

Lietuvos kultūros tyrimų institutas

Dr. Agnius URBANAVIČIUS

Lietuvos istorijos institutas

Redakcinės kolegijos adresas

Lietuvos istorijos institutas

Kražių g. 5, 01108 Vilnius, Lietuva

El. paštas: rstukiene@mail.lt, stukiene@istorija.lt

Knygos leidybą pagal „Nacionalinę lituanistikos plėtros 2009–2015 metų programą“ finansavo Lietuvos mokslo taryba (sutarties Nr. LIT-8-47).

© Lietuvos istorijos institutas, 2014

ISBN 978-9955-847-86-1

ISSN 2351-6968

ЛИТВА И РОССИЯ НАКАНУНЕ И ВО ВРЕМЯ ПЕРВОГО РАЗДЕЛА РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ

БОРИС В. НОСОВ

Аннотация. В российской историографии, уже начиная с исследований, посвященных петровскому времени, и до конца XVIII в., в работах по истории Речи Посполитой и истории польско–русских отношений в целом польско–литовская шляхетская республика «обоих народов» предстает как единое польское государство и в этом качестве как некий практически неделимый объект исследования его внутренней социально–политической истории и истории его взаимоотношений с восточным соседом. С позиций российского великодержавия отношения с Литвой в XVIII веке не могли не отступить на второй план, оказавшись заслоненными крупными стратегическими задачами, однако игравшая на протяжении веков существенную роль тенденция не могла совершенно исчезнуть. В статье сфокусировано внимание на отношении России с Литвой с целью проследить, имела ли во время первого раздела Польши русская политика в Речи Посполитой специфически литовский аспект, и если имела, то в чем он нашел выражение.

Ключевые слова: Речь Посполитая, Великое княжество Литовское, Барская конфедерация, Михаил Чарторыйский, Михаил Огинский.

Традиционно изучение истории взаимоотношений России и Великого княжества Литовского принадлежало к приоритетным направлениям российской историографии. Однако это преимущественно относилось к истории Литвы XIV–XVII веков, когда Московское государство шаг за шагом поднималось к вершинам своего политического могущества, а Польско–Литовское государство было его главным соперником на востоке Европы. Положение двух крупнейших восточноевропейских держав изменилось в начале XVIII века, когда империя Петра Великого оказалась в ряду могущественных европейских монархий, а шляхетская Речь Посполитая вступила в полосу политического упадка, оказавшись в итоге под российским протекторатом и жертвой раздела между Россией, Австрией и Пруссией.

В российской историографии, уже начиная с исследований, посвященных петровскому времени, и до конца XVIII в., в работах по истории Речи Посполитой и истории польско–русских отношений в целом польско–литовская шляхетская республика «обоих народов» предстает как единое польское государство и в этом качестве как некий практически неделимый

объект исследования его внутренней социально–политической истории и истории его взаимоотношений с восточным соседом. Одним из немногих исключений, только подтверждающим это правило, мог бы послужить подход Сергея Михайловича Соловьева, говорившего о «двусоставной Речи Посполитой», да и то классик русской историографии имел в виду бытование в одном государстве двух конфессий: католицизма и православия, или же двух народов: западно– и восточно–славянского¹.

Разумеется, отношения с Литвой в XVIII веке с позиций российского великодержавия, воплощенного в империи Романовых, не могли не отступить на второй план, заслоненные крупными стратегическими задачами, однако на протяжении веков игравшая существенную роль тенденция не могла совершенно исчезнуть. На ней мы и намерены сфокусировать наше внимание и попытаться проследить, имела ли во время первого раздела Польши русская политика в Речи Посполитой специфически литовский аспект, и если имела, то в чем он нашел свое выражение?

Курс великих держав на раздел Польши начал приобретать конкретное выражение уже в начале русско–турецкой войны 1768–1774 гг. Еще весной 1769 г. российский посол в Речи Посполитой Николай В. Репнин незадолго до своего отозвания из Варшавы в одном из донесений в Петербург писал о раздроблении республики, имея в виду очевидный раскол среди магнатов, грозивший, по мнению посла, целостности Речи Посполитой, и предлагал «разделить республику» посредством противопоставления друг другу магнатских группировок и шляхетских корпораций. В качестве сторонников России он рассчитывал опереться в этом деле на некоторых литовских магнатов, принимая во внимание традиционно близкие связи верхов Великого княжества Литовского с восточным соседом.

Осенью того же года Никита И. Панин в письме Франтишеку К. Браницкому писал о некоем договоре, по которому якобы «Красиньский и Потоцкий обязались раздробить Республику и уступить Порте Подолию»². Аналогичные письма были направлены Яну Е. Флемингу, Адаму Пониньскому и минскому воеводе Юзефу Гилзену. Примечательно, что эти предостережения прозвучали в то самое время, когда Австрия заняла прикарпатские владения Польши – Спиж. Среди адресатов панинского послания были Браницкий и Пониньский, которые были призванными проводниками российской политики в землях Короны, а Флеминг и Гилзен принадлежали

1 См.: Сергей М. Соловьев, *История падения Польши*, Москва, 1863. Новейшее издание: См.: Idem., *Сочинения. Кн. XVI Работы разных лет*, Москва: Изд-во Мысль, 1995, с. 405–628.

2 *Сборник императорского Русского исторического общества* (далее – Сб. РИО), том 97: *Политическая переписка императрицы Екатерины II*, часть VI. 1770–1771 гг., под ред. А.Ф. Бюллера и В.А. Уляницкого, С.-Петербург, 1896, с. 3–4.

к числу литовских магнатов, на которых в первую очередь делал ставку тогдашний русский посол в Варшаве Михаил Н. Волконский, близко знавший большинство польских и литовских możnowładzców еще со времен Семилетней войны. Таким образом, уже в этих действиях петербургских верхов можно усмотреть проявление традиционного для русской политики польско–литовского дуализма.

Для поддержки сторонников России в Великом княжестве и организуемой там их конфедерации в Литву летом 1770 г., уже после изгнания оттуда одного из предводителей Барской конфедерации Юзефа Пулавского, был направлен специальный шеститысячный легион под командованием Василия Кара. Легиону предстояло разместиться в Минске³.

В ноябре 1770 г. Н. И. Панин одобрил предложенный Волконским план генеральной конфедерации, однако выразил опасение, что конфедерация не будет в достаточной степени управляемой, а следовательно, будет существовать опасность непредвиденных и вредных для русской политики последствий⁴. Это письмо Панина русскому послу в Варшаве последовало уже после того как Петербург в октябре 1770 г. посетил брат прусского короля Фридриха II принц Генрих, в ходе визита которого и началось согласование плана раздела Польши⁵. Однако замыслы организации в Литве конфедерации российской стороной не были оставлены полностью. Тогда же, в ноябре, Панин писал Волконскому о своих контактах с Гилзенем, что тот «имеет в некоторой части Литвы кредит» и может быть привлечен к сотрудничеству в соответствии с планами посла.

Однако уже весной 1771 г. после получения донесений из Вены от российского посла Дмитрия М. Голицина о готовности руководителя австрийской внешней политики Антона В. Кауница присоединиться к разделу Польши планы Петербурга в отношении Речи Посполитой изменились кардинально. Изменения они претерпели и в отношении Литвы.

Начало было положено в марте 1771 г. отозванием М. Н. Волконского и назначением послом в Варшаве голштинца Каспара Сальдерна. Положение нового посла в правящих кругах в Петербурге не шло ни в какое сравнение со статусом его предшественников – Репнина и Волконского, что Сальдерн компенсировал показным рвением и лестью, адресованными петербургским верхам, с одной стороны, и демонстративным высокомерием в отношениях с королем Станиславом Августом и польской знатью – с другой. Его поведение при польском дворе не добавило ему сторонников. С литовскими магнатами

3 Панин – Веймарну, 19 июня 1770 г., *Ibid.*, p. 82–86.

4 Панин – Волконскому, 9 ноября 1770 г., *Ibid.*, p. 169–175.

5 См.: Перечень предложений графа Панина, каковыя он имел честь сообщить принцу Генриху Прусскому, Санкт-Петербург 22 октября (2 ноября) 1770 г., *Сб. РИО*, т. 97; *Сб. РИО*, т. 37, с. 323 (Приложение к депеше Виктора Ф. Сольмса № 459).

Сальдерн просто поссорился. Не считали нужным скрывать негативного отношения к Сальдерну весьма влиятельные в Литве великий гетман литовский Михаил Огинский, епископ Виленский Игнаций Масальский и близкий к Радзивиллам Шимон Коссаковский. В переписке с Паниным Сальдерн продолжал рассуждать о т. н. «патриотической конфедерации», однако, по словам нового посла, образоваться конфедерация должна была бы где-то в Куявии или в Познани. Можно только предположительно говорить о ее возможных участниках и назвать по имени только Пониньского. Во всяком случае, о Литве не было уже и речи.

Существенную роль сыграло, вероятно, и то, что «новая система» для Польши, о которой летом 1771 г. заговорил Панин, еще более, чем прежде, основывалась на незыблемости унии Польши и Великого княжества Литовского в составе Речи Посполитой. Даже временный и относительный «раскол» республики по этой линии, что при определенных условиях и, прежде всего, при безраздельном протекторате России над польско-литовским шляхетским государством, допускали Репнин и Волконский, был бы абсолютно исключен в условиях территориального раздела Речи Посполитой между тремя великими державами. «Польша, как бы плачевно ни было положение ее дел, – писал Панин в июне 1771 г. – значительная держава по своему физическому положению. Несколько частей ее, которые будут отделены от нее [...] все таки не помешают ей остаться в положении посредственной державы достаточно значительной для того, чтобы служить противовесом при соперничестве великих держав, и я соображался с этим, создавая [...] новое равновесие интересов и новую систему союза между тремя соседними с нею державами⁶. Употребляя здесь понятие «посредственной державы», Панин имел в виду геополитическое положение Речи Посполитой в Восточной Европе как посреднического звена между восточноевропейскими государствами и, прежде всего, между Россией, Пруссией и Австрией. Это положение открывало перед тремя великими державами возможность урегулирования взаимных противоречий за счет Польско-Литовского государства. Однако для проводимой Петербургом стратегии такого рода сохранение или расширение литовской автономии уже не имело существенного значения, а в определенных обстоятельствах могло бы и послужить препятствием в осуществлении захватнических планов.

Ослабление внимания России к Литве в первой половине 1771 г., временное замораживание отношений с литовскими магнатами в известной мере стало одной из причин восстания Михаила Огинского.

Со времени образования Барской конфедерации конфедераты дважды поднимали свое знамя в Литве, а шляхта Великого княжества формально

6 Сб. *РИО*, т. 97, с. 342–343.

присоединилась к Генеральной конфедерации. Первый раз восстание всколыхнуло Литву в 1768 г., когда организаторами движения выступили Шимон Коссаковский и сторонники Кароля Радзивилла, во второй раз – в 1769 г. во главе с Пулавскими, а за плечами конфедератов стояли Анна Яблоновская и Ян Клеменс Браницкий, а также литовская магнатская группировка во главе с Сапегами⁷. Однако, за исключением крупнейших магнатских фамилий – Радзивиллов и Сапег, другие литовские możnowładcy по отношению к противоборству России, барских конфедератов и польского королевского двора занимали, скорее, выжидательную или нейтральную позицию. Об этом же свидетельствовало и территориальное распространение конфедерации в Литве. Во время восстания 1768 г. оно охватило поветы Ковенский, Вилкомирский, Ошмянский, Новогрудский, Брестский, Ржечицкий и Мстиславское воеводство. В 1769 г. восстание развернулось в Полоцком воеводстве, в повятах Виленском, Волковском, Упитском, Гродненском, Пинском, Слонимском и Брестском. В Генеральной конфедерации не участвовали Брацлав, Жмудь, Трокай, Витебск, Орша, Минск и Мозырь. Также не присоединились к конфедерации Инфлянты и две корпорации т. н. «изгнанников» (воеводства Смоленского и Стародубского)⁸. По словам Владыслава Конопчиньского, в боях барских конфедератов на территории Литвы литовской шляхты среди повстанцев было относительно немного. Не без иронии упоминал историк о данном в Париже голословном обещании Михаила Вельгорского, что в Литве у конфедератов якобы имеется в готовности к выступлению три тысячи сабель⁹.

В ходе летней компании 1771 г. объединенные силы польского короля Станислава Августа и русских войск отбили натиск, организованный барскими конфедератами и направляемый прикомандированными к ним французскими военными советниками. Инициатива в театре военных действий в Польше и в Литве вновь оказалась в руках правительственного лагеря. В итоге французский эмиссар и военный советник при конфедерации Шарль Дюмурье был озабочен только тем, чтобы оправдать себя самого и возложить ответственность за поражения на поляков.

В начале 1771 г. в Великом княжестве после изгнания оттуда Пулавских сохранялось относительное спокойствие. Литва не играла заметной роли в движении барских конфедератов. Регементарь конфедерации в Литве Юзеф Сапега бездействовал. Гетман литовский – зять литовского канцлера Михаила Чарторыйского Михаил Огинский – сибарит и светский человек, по мнению В. Конопчиньского, будучи по статусу предводителем литовского

7 Władysław Konopczyński, *Konfederacja barska*, Warszawa: Volumen, 1991, t. 2, p. 524.

8 *Ibid.*

9 *Ibid.*

шляхетского сословия, в действительности был весьма далек от чаяний и настроений литовской шляхты. Гетман под влиянием Адама Красиньского по меньшей мере в течение предшествовавшего года был в сношениях с Францией и только ждал своего часа. С весны 1771 г. он стал втайне от российского командования собирать войска. Повлияли ли на его позицию французские субсидии или же опасения, что уход «фамилии» под давлением России с польской политической арены вынудит и его последовать за тестем, или сказалась обида на заносчивого Сальдерна? Перечень причин и психологических обстоятельств, повлиявших на решение Огинского, можно было бы продолжить. Однако важным является то, что без молчаливой и отнюдь не всеобщей, но все же поддержки магнатов и шляхты Литвы вооруженное выступление литовского гетмана было бы невозможно.

План восстания был разработан одним из эмиссаров при конфедерации Яцекон Путкамером, а вероятно, и самим Демурье. Он предполагал привлечь к участию в выступлении всех литовских магнатов, их военные отряды и клиентов. Переписка и переговоры об этом велись практически со всеми заметными представителями литовской знати. В итоге задумано было собрать силы в 6 тыс. человек. После установления контроля конфедератов над всей Литвой планировалось начать наступление на Люблин и Замостье, а затем, в случае успеха, развернуть боевые действия на левом берегу Днепра в направлении Смоленска. По замыслу Демурье, это вынудило бы русское командование отозвать русскую армию с турецкого фронта, с Дуная¹⁰. Такого рода стратегия должна была бы произвести впечатление в Версале, так как в случае успеха обещала кардинально изменить ход русско-турецкой войны и положение на юго-востоке Европы. Не в последнюю очередь расчет был и на то, чтобы побудить французский двор не скупиться с субсидиями для барских конфедератов. Однако фантастичность этого плана была очевидна для всех, кто был знаком с реальным военным положением в Коронных землях и в Литве.

Однако М. Огинский начал подготовку к выступлению. Достоверно не известно, рассчитывал ли гетман действовать в соответствии со «стратегией» Путкамера или определил для себя более скромные задачи, однако в конце июля в его распоряжении было уже более 2 тыс. собственного войска, которое он снарядил и вооружил на свои средства, получив в частности из Кенигсберга 1200 карабинов¹¹. Все эти сведения восходят к свидетельствам самого литовского гетмана, который подчеркивал, что располагает «настоящим обученным войском», поэтому не стоит переоценивать боевые качества последнего. Наверное, отряды Огинского превосходили по уровню

¹⁰ *Ibid.*, p. 528–529.

¹¹ *Ibid.*, p. 542–548.

организации и боевой подготовки «партии» или «шайки» барских конфедератов, как их именовали в донесениях командиров российских войск. Однако бывшие в распоряжении гетмана части едва ли по своему состоянию существенно отличались от литовских войск середины XVIII века, особенно по истечении трех лет конфедератской войны.

Ни власти в Петербурге, ни русское командование в Польше, ни Сальдерн в Варшаве не обладали достоверными сведениями о готовившемся восстании, однако до российского посла все же, вероятно, доходили слухи о возможном выступлении в Литве. Может быть, сказались и опасения, что активность барских конфедератов летом 1771 г. не обойдет стороною и Великое княжество. Об этом свидетельствует проект письма Н. И. Панина, подготовленный для отправки в Варшаву и представленный руководителем Коллегии иностранных дел на утверждение императрицы в начале сентября 1771 г., на следующий день после начала восстания, о котором в Петербурге к тому времени еще не получили известия.

Панин писал Сальдерну, что Екатерина II одобрила предложение посла «для немедленного уврачевания смут в Литве» обратиться к Фридриху II «с просьбою принять под свою охрану город Познань, дабы расположенный там корпус его войск мог быть направлен туда, где поднимется новое пламя возмущения», то есть в том числе и в Великое княжество. Далее шеф русской внешней политики согласился с предложением голштинца включить в прусский кордон город Краков и добавил, что уже сообщил об этом австрийскому послу в Петербурге Иосифу М. Лобковичу. Поддерживая все действия русского посла в Литве, Панин писал, что, прежде чем в Великое княжество вступят прусские войска из Познани, следует приказать генералам Аристарху П. Кашкину и Александру И. Бибикову собрать имеющиеся войска для подавления конфедератов на глубину 10 миль от российской границы¹². Требование сосредоточения русских сил в Литве и указанная Паниным задача охраны российской границы свидетельствовали о том, что некоторой информацией о планах конфедератов перенести боевые действия на территорию России правящие круги в Петербурге все же располагали.

Восстание началось в сентябре 1771 г. Войскам гетмана удалось добиться некоторых небольших успехов. Однако первые дни боев показали, что две его главные цели оказались не достигнуты. Восстание не стало сигналом к массовым выступлениям литовской шляхты, несмотря на манифест Огинского от 7 сентября, в котором гетман объявлял о своем выступлении вместе с войском на стороне Генеральной конфедерации в защиту «вольности народа». Не использовал гетман и имевшиеся в его распоряжении две не-

12 Проект письма Панина – Сальдерну, 28 августа (8 сентября) 1771 г., *Сб. РИО*, т. 97, с. 431–432.

дели, чтобы разбить по частям расквартированные в городах Литвы русские отряды, несмотря на численное превосходство своих сил над каждым из них по отдельности. Это свидетельствует о нерешительности Огинского как военачальника, а также о неспособности его войск выполнить такого рода боевую задачу, требующую такого высокого уровня маневренности и тактической подготовки, которому гетманские войска едва ли соответствовали. Отмеченные обстоятельства только подчеркнуты стремительностью наступления Александра В. Суворова, который ночью 23 сентября под Столовичами атаковал повстанцев и одержал полную победу. Огинский вынужден был бежать в Венгрию, где находился центр Генеральной (барской) конфедерации. До конца 1771 г. в Литве были подавлены отдельные очаги сопротивления барских конфедератов.

Вместе с тем восстание Огинского послужило одним из формальных поводов для установления системы военных кордонов Австрии, Пруссии и России в Речи Посполитой. Первые действия в этом направлении еще в 1770 г. предприняла Австрия, которая присоединилась последней к «концерту» держав – захватчиков. Тогда под предлогом защиты от чумы австрийцы установили воинские кордоны, а затем и пограничные столбы, отдалив от Речи Посполитой т. н. «возвращенные земли» в Прикарпатье. Однако тогдашние акции Вены не были еще непосредственно согласованы с Берлином и Петербургом. Накануне же и в ходе восстания Огинского действия захватчиков приобрели трехсторонний характер, когда Сальдерн сам предложил пруссакам занять Познань, чтобы все силы бросить против войск литовского гетмана. При этом гольтшинец в своих предложениях пошел даже на то, чтобы включить в прусский кордон часть литовских земель. Правда, Фридрих II, сославшись на занятость своих войск установлением кордона в Силезии, отказался от этого, после чего Н. И. Панин распорядился «прекратить замешательства в Литве собственными силами»¹³.

Поражение восстания Огинского положило начало умиротворению Литвы. Одновременно с преследованием последних конфедератских отрядов в ноябре 1771 г. из Военной коллегии последовал указ А. И. Бибикову, в котором говорилось об участии на стороне конфедератов «австрийских и прусских дезертиров и уволенных саксонских солдат общим числом до 2 тыс. человек». Вероятно, что среди упомянутого контингента были и люди, принадлежавшие литовскому войску Михаила Огинского. В связи с этим Коллегия приказывала полковнику Федору И. Древицу принимать таких людей на службу и сформировать в Литве иностранный батальон, по две роты которого размещались бы в Вильно и в Новогрудке, а две резервные роты – в

13 Панин – Сальдерну, Письмо № 16. 28 августа (8 сентября) 1771 г., *Сб. РИО*, т. 97, с. 432–435.

Риге и в Смоленске¹⁴. Таким образом, создавались воинские формирования, которые, с одной стороны, позволяли бы уменьшить людской потенциал конфедератов, а с другой – создать некие особые литовские войска, которые формально не были бы подчинены ни королевскому двору, ни литовскому гетману, ни литовской Военной комиссии и в то же время не входили бы непосредственно в состав русской армии, хотя в действительности состояли бы целиком в подчинении российского командования. Примечательно и то, что начинание российского военного ведомства в Литве предвосхитило планы создания т. н. «кавалерии народной» в Речи Посполитой в 70-е годы XVIII в.

Следующей военной и одновременно политической мерой российских властей в Литве стало восстановление Военной комиссии (в Гродно), которую возглавил польный литовский гетман и полоцкий воевода Александр Михаил Сапега (брат Анны Яблоновской, сторонник «саксонской партии», некогда пользовавшийся покровительством канцлера литовского Михаила Чарторыйского¹⁵). Под его начало перешли и члены комиссии, а также оставшиеся в Литве и не покинувшие службы после поражения под Столовичами солдаты и офицеры литовских войск. После поражения восстания Огинского новый верховный предводитель ополчения литовской шляхты (посполитого рушения) и командующий литовскими войсками находились в полной зависимости от российских властей и вне какого-либо влияния со стороны короля Станислава Августа и польского двора. Таким образом, Россией был установлен полный контроль над литовским гетманством как важнейшим сословным и политическим институтом Великого княжества. Важной мерой стало и закрытие Литовского трибунала, который имел первостепенное значение в системе органов верховной власти и одновременно являлся не только высшим судебным органом, но и важнейшим сословным органом, представлявшим литовскую шляхту. Решение о закрытии Литовского трибунала было подтверждено Екатериной II летом 1772 г. в ответ на соответствующие протесты Станислава Августа¹⁶.

Принципиальное значение для русских властей имело установление контроля над литовскими сеймиками. Единственным средством решения этой задачи было размещение в важнейших центрах Литвы военных отрядов. В декабре 1771 г. последовал приказ генералу Иоганну И. Романусу расположить войска по линии Брест – Пинск – Несвеж – Слуцк, с главной квартирой в Слониме. Согласно указанию Панина, они должны были послу-

14 *Сб. РИО*, т. 97, с. 443–445.

15 Władysław Konopczyński, *op. cit.*, т. 2, р. 606.

16 Проект письма Екатерины II – Станиславу Августу 23 / 6 июня 1772 г., *Сб. РИО*, т. 118, с. 148–149.

жить авангардом для вводимых в Литву частей и призваны заготовить для последних провиант и фураж¹⁷. Упоминание о фуражирах свидетельствовало о том, что в указанных пунктах должны были создаваться провиантские магазины, а воинские команды заготовителей должны были размещаться по местечкам и шляхетским имениям, то есть не только отвечать за заготовление продовольствия для войск, но и осуществлять непосредственный контроль за поветовыми шляхетскими корпорациями. Эти меры были дополнены и разработаны в инструкции Н. И. Панина – К. Сальдерну 30 /19 марта 1772 г. о занятии войсками отходящих к России «польских земель», то есть территорий Великого княжества Литовского.

Таким образом, в конце 1771 и в начале 1772 г. занятое русскими войсками Великое княжество Литовское оказалось практически отделенным от Речи Посполитой. Сословные и политические институты, связывавшие его с Польской Коронай либо не действовали, либо функционировали под русским контролем независимо от шляхетской республики. Однако окончательное отделение Литвы от Польши и ликвидация «государства двух народов» не входили в планы Петербурга, о чем еще в июне 1771 г. Н. И. Панин писал К. Сальдерну, указывая на роль Речи Посполитой в качестве «противовеса при соперничестве великих держав»¹⁸. Отделение Литвы неизбежно поставило бы польское государство на грань полного раздробления и уничтожения и привело бы к усилению на востоке Европы позиций Австрии и Пруссии. Поэтому, определяя условия и территориальные границы первого раздела Польши, власти в Петербурге не только исходили из принципов сохранения равновесия между приобретениями государств – захватчиков, но и из необходимости сохранения унии Короны и Великого княжества Литовского в составе Речи Посполитой.

К лету 1772 г., ко времени назначения Отто Штакельберга новым российским послом в Варшаву¹⁹, все принципиальные вопросы отторжения литовских земель были разрешены, и оставалось только формальное утверждение раздела Польши сеймом Речи Посполитой, что и предстояло осуществить российскому «проконсулу» в шляхетской республике. 18 сентября 1772 г. послы трех держав в Варшаве обратились с совместной декларацией к королю и министерству с требованием созыва сейма и признания Республикой раздела Польши. Спустя месяц, 17 октября, с протестом выступило министерство, соответствующие обращения к дворам ведущих держав направил и король Станислав Август. Сенат Речи Посполитой, собравшийся 6 октября,

17 Панин – Сальдерну, 12 / 1 декабря 1771 г., *Сб. РИО*, т. 97, с. 495; Władysław Konopczyński, *op. cit.*, т. 2, р. 606–607.

18 *Сб. РИО*, т. 97, с. 342–343.

19 *Сб. РИО*, т. 118, с. 173–174; Инструкция Оттону Штакельбергу, *Ibid.*, р. 176–190.

также не спешил с принятием постановления о созыве сейма, отложив его, сославшись на отсутствие многих воевод и каштелянов. Только 8 февраля 1773 г. собравшиеся сенаторы, среди которых уже не было представителей отделенных от страны воеводств и поветов, высказался за созыв сейма. Королевским универсалом от 22 февраля 1773 г. было объявлено о созыве сейма 19 апреля. Сеймики состоялись 23 марта и повторные – 5 апреля. На литовских сеймиках важную роль в их организации сыграли сторонники Массальских и Радзивиллов. Проведение сеймиков по всей республике, в том числе и в Литве, означало фактическое восстановление Польско–Литовского государства «двух народов», что и было подтверждено на сейме 1773 г. Символически это нашло выражение в избрании по воле Генеральной конфедерации послов сейма двух маршалов сейма – Адама Пониньского – от Короны и литовского крайчего Михаила Радзивилла – от Литвы.

Из земель Великого княжества Литовского к России по первому разделу Польши отошли Латгалия и часть Восточной Белоруссии по линии рек Западная Двина–Друт–Днепр (93 тыс. кв. км. с населением 1 300 тыс. чел.). В русском захвате оказались города на границе с Курляндией, а также Велиж, Полоцк, Витебск, Могилев, Рогачев и Гомель. Таким образом, под контроль было взято все течение Днепра²⁰. За пределами зоны «русского захвата» оказались литовские воеводства (Виленское, Троцкое и Новогрудское), где были наиболее многочисленные корпорации литовской шляхты.

В течение первых десятилетий после раздела Польши 1772 г., осуществляя управление присоединенными белорусскими землями Великого княжества Литовского, русское правительство стремилось сохранить в них существовавшую ранее социальную и сословную систему, основанную на шляхетском землевладении. Уже в первом декрете наместника Захара Г. Чернышева от 27 (16) августа 1772 г. провозглашалось, что «Екатерина II изволит всех подданных подтвердить при законном каждом владении и имуществе»²¹, правда при условии принесения в установленный срок новыми подданными присяги на верность государыне.

Российская администрация отторгнутых литовских земель принимала меры к охране шляхетского землевладения, в частности, пытаясь воспрепятствовать продаже помещиками крестьян без земли «на вывод», что угрожало экономической стабильности дворянских поместий. Обосновывая свое ходатайство о запрете продажи крестьян в другие губернии, З. Г. Чернышев писал в Сенат в Петербург, «что белорусское дворянство издавна не имело

20 *История Польши*, т. 1, под ред. В. Д. Королюка, И. С. Миллера, П. Н. Третьякова, Москва: Издательство Академии наук СССР, 1956, с. 380–384.

21 См.: Платон Н. Жукович, *О русском землевладении в Северо–Западном крае со времени присоединения его к России*, Санкт-Петербург: Печатня С. Яковлева, 1895, с. 4.

сего обыкновения, чтобы продавать крестьян без земли». Сенатским указом от 17 (6) марта 1773 г. наместнику в этом было отказано на том основании, что такой запрет противоречит привилегиям российского дворянства²². Примечательно, что как наместник, так и российские сенаторы заботились об интересах литовской шляхты. В первом случае Чернышев опасался, что алчность помещиков, продававших крестьян «на вывод», негативно скажется на экономическом положении их имений. Во втором случае сенаторы стояли на защите равенства прав и привилегий российского дворянства, в состав которого было включено и дворянство присоединенных губерний.

Важным вопросом было также определение статуса королевщин на территориях, присоединенных к России. В их отношении последовал указ 8 июня (28 мая) 1772 г., запрещающий владение и управление королевскими староствами «без точного соизволения императрицы». Таким образом, в распоряжении бывшими королевскими землями был восстановлен принцип пожалования верховной властью. Указом 17 (6) марта 1773 г. староства были переданы прежним владельцам с восстановлением условий владения. Староства передавались держателям пожизненно, но не более чем на 50 лет. По смерти владельца или же по истечении 50-летнего срока они должны были перейти в разряд государственных имуществ²³. Аналогичное постановление о старостах на территории Речи Посполитой было принято и сеймом 1773 г.

На присоединенных к России в результате первого раздела Польши литовских землях было немало шляхетских владений и королевщин, статус которых оставался неопределенным. В подавляющем большинстве это были земли (частные имения или староства), владельцы которых не заявили свои права или не принесли присяги Екатерине II. На эти имения был наложен секвестр до установления законных владельческих прав, который действовал более 20 лет. И только после подавления восстания Тадеуша Костюшко и третьего раздела Польши в 1795 г. все эти земли, права владельцев которых не получили законного утверждения, были причислены к казенным имениям и окончательно перешли в разряд государственных земель.

Непосредственно после первого раздела Польши к казенным имениям были присоединены только владения заграничных монастырей²⁴. Сословный, правовой и имущественный статус католической, православной и униатской церквей и положение соответствующих корпораций на этих территориях оставались практически не затронутыми. Несмотря на близкие отношения З. Г. Чернышева и Георгия Конисского, власти не оказывали заметного покровительства православной церкви и православному населению, принятие мер

²² *Ibid.*

²³ *Ibid.*, p. 5.

²⁴ *Ibid.*

к вытеснению униатов началось только на рубеже XVIII–XIX вв. уже в иных политических условиях, что было также обусловлено и территориальными изменениями после второго и третьего раздела Польши.

Говоря о сохранении фундаментальных основ социального устройства и сословного строя на присоединенных к России после первого раздела литовских землях, необходимо указать и на важнейшую тенденцию русской политики в отношении Речи Посполитой – экспансию на занятые территории русского дворянского землевладения. Наиболее значительные земельные приобретения здесь получили представители высших придворных, военных и гражданских чиновничьих кругов. Так называемые «белорусские имения» составляли в их владениях весьма существенную часть. Только из территорий первого раздела в 1770–1780-е годы значительные пожалования получили: Григорий Г. Потемкин (местечко Кривич в Могилевской губернии); фельдмаршал Петр А. Румянцев (5 тыс. душ в Могилевской губернии); вице-канцлер Александр М. Голицын (Пропойское староство в Могилевской губернии); генерал-прокурор Александр А. Вяземский (местечко Усвятч в Витебской провинции); наконец, сам З. Г. Чернышев был пожалован Черским староством в Могилевской губернии²⁵.

На захваченных землях Великого княжества Литовского пожалования земли и крестьян получили не только высшие сановники. В 1770-е годы имения в Белоруссии получили офицеры, отличившиеся во время русско-турецкой войны 1768–1774 гг., в том числе и несколько молдавских дворян. Поместьями были награждены и участники подавления Крестьянской войны под руководством Емельяна И. Пугачева, в частности за победу над восставшими в сражении под Казанью земли и крестьян получили полковник Иван И. Михельсон и еще 18 офицеров. Всего же в течение 20 лет, до 1795 г. в указах российского сената зафиксировано 85 пожалований населенных имений на землях, отторгнутых от Великого княжества Литовского по первому разделу Польши. Более половины от этого числа приходится на первые два года (в 1773 г. пожалования получили 16 лиц, в 1774 г. – 37)²⁶.

Первый раздел Польши означал окончание относительно обособленной литовской политики российских царских властей. С этого времени и вплоть до образования в 1792 г. Тарговицкой конфедерации и Гродненского сейма 1793 г. политический курс Петербурга в отношении Речи Посполитой строился на основе сохранения польско-литовской унии и политической целостности Польско-Литовского государства, что, однако, не исключало охраны сословных прав и привилегий литовской шляхты, включая сюда и автономию литовских шляхетских корпораций. В целом Петербург оказывал

²⁵ *Ibid.*, p. 7.

²⁶ *Ibid.*, p. 6–7.

поддержку курсу Станислава Августа на унификацию в рационалистическом духе системы государственного устройства Речи Посполитой, что находило выражение в деятельности Постоянного совета и в практике работы сеймов Речи Посполитой, из которых, вопреки традиции, почти все собирались в Варшаве, за исключением сейма в Гродно 1784 г.

С этого времени и литовские магнаты, и их шляхетские сторонники в Литве, наученные горьким опытом первого раздела Польши, видели в России в большей степени опасного соседа, нежели посредника и арбитра в разрешении внутренних противоречий в отношениях с магнатскими группировками Великой и Малой Польши. Они в большей степени сознавали жизненную необходимость для Польши и Литвы сохранения государства двух народов, при отстаивании принципов сословной и политической «литовской автономии».

Источники и литература

Сборник императорского Русского исторического общества, том 97: *Политическая переписка императрицы Екатерины II*, часть VI, 1770–1771 гг., под ред. А. Ф. Бюлера и В. А. Уляницкого, С.-Петербург: В университетской Типографии, 1896.

Сборник императорского Русского исторического общества, том 37: *Дипломатическая переписка прусских послов и посланников при русском дворе*, часть 2-ая (годы с 1767 по 1772). Дипломатическая переписка прусского короля Фридриха II с графом Сольмсом, посланником при Русском дворе. Сообщено из берлинского государственного архива. Том издан под наблюдением Г. Ф. Штендмана, С.-Петербург: Типография Императорской Академии Наук, 1883.

Сборник императорского Русского исторического общества, том 118: *Политическая переписка императрицы Екатерины II*, часть VII, 1772–1773, Ответственный за выпуск барон Ф. Р. Остен-Сакен, С.-Петербург: Типография В. Киршваума, 1904.

Konopczyński Władysław, *Konfederacja barska*, Warszawa: Volumen, 1991.

Жукович Платон Николаевич, *О русском землевладении в Северо-Западном крае со времени присоединения его к России*, Санкт-Петербург: Печатня С. Яковлева, 1895.

История Польши, под ред. В. Д. Королюка, И. С. Миллера, П. Н. Третьякова, т. 1, Москва: Издательство Академии наук СССР, 1956.

Соловьев Сергей Михайлович, *История падения Польши*, Москва: Тип. Грачева и комп., 1863.

Соловьев Сергей Михайлович, *Сочинения*, Кн. XVI: *Работы разных лет*, Москва: Издательство Мысль, 1995.

LIETUVA IR RUSIJA PIRMOJO ABIEJŲ TAUTŲ RESPUBLIKOS PADALIJIMO IŠVAKARĖSE IR JO METU

BORISAS V. NOSOVAS

Rusijos istoriografija, pradėdant tyrimais, skirtais Petro I epochai, ir baigiant darbais, kuriuose aprašoma Abiejų Tautų Respublikos, Lenkijos ir Rusijos santykių istorija, „Abiejų Tautų“, lenkų ir lietuvių bajorų, respubliką vaizduoja kaip vientisą Lenkijos valstybę. Tyrinėjant vidinę socialinę-ekonominę istoriją ir santykių su Rytų kaimynų istoriją tyrimų objektas praktiškai nėra skaidomas. Žvelgiant iš didžiarusiškos pozicijos santykiai su Lietuva XVIII a. pasitraukė į antrąjį planą, juos užgožė stambūs strateginiai uždaviniai, tačiau kelis amžius vyravusi tendencija negalėjo visiškai išnykti.

Straipsnyje pagrindinis dėmesys skiriamas Rusijos ir Lietuvos santykiams, siekiant atsakyti į klausimą, ar pirmojo Lenkijos padalijimo laikotarpiu rusų politika Abiejų Tautų Respublikoje turėjo specifinį lietuvišką aspektą, o jeigu turėjo, tai kaip tai pasireiškė.

Tyrimai rodo, kad 1771 m. pabaigoje ir 1772 m. pradžioje Lietuvos Didžioji Kunigaikštystė, kurią užėmė rusų kariuomenė, buvo praktiškai atskirta nuo Lenkijos. Luominiai ir politiniai institutai, ją sieję su Lenkijos Karalyste, neveikė arba funkcionavo kontroliuojami rusų, nepriklausomai nuo bajorų respublikos. Tačiau Peterburgas neketino Lietuvos galutinai atskirti nuo Lenkijos ir panaikinti Abiejų Tautų valstybės.

Lietuvos atskyrimas būtų reiškęs Lenkijos valstybės suskaidymą ir visišką žlugimą, o tai sustiprintų Austrijos ir Prūsijos pozicijas Europos Rytuose. Todėl Peterburgo valdžia, nustatydama pirmojo Lenkijos padalijimo sąlygas ir teritorijos ribas, vadovavosi ne tik pusiausvyros principu, siekdama po lygiai pasidalyti užgrobtas teritorijas su kitomis valstybėmis, bet ir būtinybe išlaikyti Lenkijos Karalystės bei Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės uniją kaip ir pačią Abiejų Tautų Respubliką.

Pirmasis Lenkijos padalijimas reiškė sąlygiškai atskiros Rusijos imperijos valdžios politikos Lietuvos atžvilgiu pabaigą. Nuo pirmojo padalijimo iki pat Targovicos konfederacijos susidarymo 1792 m. ir 1793 m. Gardino seimo Peterburgo politikos kryptis Abiejų Tautų Respublikos atžvilgiu buvo formuojama siekiant išlaikyti Lenkijos ir Lietuvos uniją bei Lenkijos ir Lietuvos valstybės politinį vientisumą. Tačiau tai nereiškė Lietuvos bajorų luominių teisių ir privilegijų, įskaitant Lietuvos bajorų korporacijos autonomiją, panaikinimo.

Apskritai Peterburgas palaikė Stanislovo Augusto politiką, nukreiptą į Abiejų Tautų Respublikos valstybinės santvarkos racionalią unifikaciją, kuri atsispindėjo Nuolatinės tarybos veikloje ir Abiejų Tautų Respublikos seimų praktikoje. Nepaisant tradicijos, beveik visi seimai rinkosi Varšuvoje, išskyrus 1784 m. Gardino seimą.

Nuo tada Lietuvos didikai ir jų šalininkai bajorai Lietuvoje, įsisavinę karčią pirmojo Lenkijos padalijimo pamoką, Rusiją vertino kaip pavojingą kaimynę, o ne tarpininkę ir arbitrą sprendžiant vidinius santykių su Didžiosios ir Mažosios Lenkijos didikų grupuotėmis prieštaravimus. Jie itin gerai suvokė, kad Lenkijai ir Lietuvai gyvybiškai svarbu išlaikyti Abiejų Tautų valstybę, bet kartu gynė luominės ir politinės „Lietuvos autonomijos“ principus.

Reikšminiai žodžiai: Abiejų Tautų Respublika, Lietuvos Didžioji Kunigaikštystė, Baro konfederacija, Mykolas Čartoriskis, Mykolas Oginskis.